

этомъ большинству нашей публики. Да откуда-же намъ и узнать это подробнѣе и испѣе? Толпы каторжныхъ, постоянно двигаясь на востокъ, остаются за Ураломъ, и рѣдко кто возвращается изъ-за этой каменной стѣны. Свободные люди, уѣзжающіе въ Сибирь на службу или по промысламъ, если и встрѣчаютъ поселенцевъ, освобожденныхъ изъ-каторги, то узнаютъ отъ нихъ очень-немного, потому-что эти люди не охотно говорятъ о своихъ миновавшихъ несчастіяхъ, или не знаютъ, что именно сказать и на что указать.

Еще жизнь удаленныхъ отъ работъ поселенцевъ доступна для посторонняго наблюдателя, и мы встрѣчали въ нашей литературѣ очерки этого быта, рѣдко довольно вѣрные и полные. Но сама каторга, ея жизнь и нравы, составъ ея страшнаго общества—оставались для насъ рѣшительно недоступною terra incognita. До-сихъ-поръ у насъ не было Данта, который самъ спустился-бы въ эти вертепы преступленія и страданій, приглядѣлся къ страшнымъ сценамъ этого чистилища и ада, изучилъ нравы и бытъ этихъ непогребенныхъ мертвецовъ и передалъ намъ все это въ полной и живописной картинѣ.

Первымъ сочиненіемъ по этому предмету дарить нашу литературу *Ф. М. Достоевскій*, въ своихъ «Запискахъ изъ Мертваго Дома». Съ первыхъ страницъ его статьи вы входите въ міръ совершенно новый и неизвѣстный, и слѣдите за расказкомъ съ напряженнымъ любопытствомъ и участіемъ. Это одно изъ такихъ сочиненій, которыя приковываютъ ваше вниманіе поразительной свѣжестью впечатлѣній, точно книга какого-нибудь *Ливингстона*, сообщающаго открытія въ незнакомомъ и любопытномъ мірѣ, съ тою разницею, что англійскій путешественникъ разсказываетъ о странахъ, хотя до-сихъ-поръ таинственныхъ,

но все же несовершенство доступныхъ, между-тѣмъ какъ авторъ Мертваго Дома знакомитъ насъ съ другимъ, можно сказать загробнымъ свѣтомъ, въ который не ступала нога писателя, или изъ котораго она еще не выходила.

Картина Мертваго Дома или каторжнаго острога, въ который вводитъ насъ г. Достоевскій, поразительна своей новостью и страшной правдою.

Съ самыхъ далекихъ временъ народная фантазія или воображеніе поэтовъ представляли намъ адъ, какъ мѣсто вѣчной казни, на которую обрекаетъ небесное правосудіе за преступленія и злодѣяства. Вспомните тартаръ древнихъ грековъ, окруженный пламеннымъ Флегетономъ, гдѣ Танталя изнываетъ въ неутолимой жаднѣ, Сизифъ вѣчно катитъ на гору свой камень и Данаиды осуждены на страшно-безплодный трудъ наливать бездонную бочку. Вспомните адъ Данта, съ его безконечными изгибами, гдѣ преступники закованы въ никогда не тающіе льды, захлебываются въ удушливо-смердномъ болотѣ, и гдѣ Уголино вѣчно вгрызается обрванченными зубами въ черепъ епископа Руджіеро. Вспомните наконецъ хаотическій адъ Байрона, на блуждающей кометѣ, полный мукъ въ одномъ существованіи безъ свѣта и жизни, безъ страстей и даже страданій, въ одной призрачной и томительной безличности. Передъ этими страшными картинами вы останавливаетесь съ трепетомъ и жалостью, съ негодованіемъ на пороки и укоризною на жестокость суда.

Такия-же чувства пробудили въ насъ и Записки изъ Мертваго Дома. По мѣрѣ чтенія, намъ казалось, что г. Достоевскій, точно Вергилій, ведетъ насъ въ какой-то страшный міръ страданій, въ какой-то новый адъ, только не фантастическій, а дѣйствительный, и показываетъ намъ

такія-же преступленія и страданія, но тѣмъ болѣе ужасныя, что это не вымыселъ поэта, а голая правда.

Какъ при входѣ дантова ада вы встрѣчаете страшную надпись: *lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*, такъ и здѣсь съ первымъ шагомъ въ каторжный острогъ авторъ говоритъ вамъ: «надобно полагать, что нѣтъ такого преступленія, которое-бы не имѣло здѣсь своего представителя.» И посмотрите, какая мрачная картина открывается вамъ за осторожнымъ частоколомъ, среди этого отверженнаго общества. Какъ въ изворотахъ дантова ада, въ Мертвомъ Домѣ три отдѣла: первый слой составляютъ каторжные военнаго разряда, не лишеныя правъ состоянія и присланные на короткіе сроки въ чистилище, изъ котораго они выходятъ въ сибирскіе батальоны; къ второму принадлежатъ ссыльно-каторжные разряда гражданскаго, присылаемые на сроки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, послѣ чего они обращаются въ поселенцы по волостямъ, гдѣ иныхъ ждетъ можетъ-быть и спокойная жизнь Алексѣя Степановича (Свѣточъ, 1861, III. Былыя времена, Н. Поля). Наконецъ въ послѣднемъ словѣ этого ада есть особое отдѣленіе, называемое «всегдашнимъ» куда поступаютъ преступники, обреченные на безрочныя работы и называющіе себя *вѣчными*. Всѣ живутъ въ общихъ казармахъ — и разбойники по натурѣ, и убійцы по ремеслу, и преступники невзначай, и злодѣи изъ фанатизма, и несчастные, которыхъ натолкнулъ на преступленіе случай, и страдалцы виновные только въ несходствѣ своего образа мыслей съ убѣжденіями общественной силы и власти. Все это лица мрачныя, почти всегда молчаливыя, въ отверженномъ костюмѣ: у однихъ половина куртки темнобурая, а половина сѣрая, у другихъ вся куртка сѣрая, а рукава темнобурые. Днемъ шумъ, гамъ, хохотъ, ругательства,

звукъ цѣпей, чадъ и копотъ, бритыя головы, клейменныя лица, лоскутныя платья; ночью сонный говоръ и бредъ, въ которомъ слышатся воровскія слова, ножи, топоры. Отвращеніе и ненависть къ работѣ, воровство, шпионство и доносы, безпрестанныя наказанія, контрабандная торговля виномъ, ростовщичество—«вотъ узы страшнаго семейства». И какая жизнь: постель на трехъ доскахъ грязныхъ наръ, щи съ огромнымъ количествомъ таракановъ, по ночамъ азардныя игры, иногда пьяный арестантъ въ одинъ праздникъ пропивающій деньги, накопленныя въ цѣлые мѣсяцы, и въ этой толпѣ изъ двухсотъ-пятидесяти человекъ пришлецы со всѣхъ концовъ Россіи, раскольники, поляки, черкесы, татары,—въ буквальномъ смыслѣ самая разнородная смѣсь

Племець, нарѣчій, состояній!

Не правда-ли, что эта картина ничѣмъ не уступаетъ страшной картинѣ ада, созданнаго Дантомъ? Не кажется-ли она даже вымысломъ мрачной фантазіи, порожденіемъ ужаснаго настроенія духа, въ которомъ поэтъ хотѣлъ нарисовать намъ самыя страшныя картины нечеловѣчески-уродливой жизни? И не становится-ли еще ужаснѣе эта картина, когда мы знаемъ, что она не въ глубинѣ преисподней, а на поверхности земли, въ нашемъ божьемъ мірѣ, освѣщенномъ солнцемъ, наполненномъ благоуханіемъ цвѣтговъ; что это не безтѣлесныя тѣни отжившихъ, а живые люди съ плотью и кровью, которые хоть и умерли нравственно, но еще живутъ тѣломъ, головою и даже сердцемъ? Не поучительно-ли заглянуть въ печальный міръ этихъ людей, оторванныхъ отъ общества преступленіемъ, совершеннымъ подъ различными психическими условіями, при различіи темперамента, воспитанія, жизненной обстановки,

нравственныхъ началъ или противорѣчія съ общественными законами. Не любопытно-ли всмотрѣться въ это общество, сведенное и поддерживаемое въ принужденной работѣ, составленное изъ существъ съ исключительными страстями и надеждами.

И г. Достоевскій представляетъ намъ рядъ портретовъ, чрезвычайно разнообразныхъ и типичныхъ.

Вотъ страшный разбойникъ Газинъ, который не разъ бѣгалъ, перемѣняя имя и попалъ въ «особое отдѣленіе». Про него рассказывали, что онъ заведетъ ребенка, напугаетъ, измучаетъ его, и насладившись вполне трепетомъ маленькой жертвы, зарѣжетъ ее медленно. Вотъ злодѣй Орловъ, уличенный во многихъ убійствахъ. Пройдя сквозь строй половину назначеннаго числа палокъ, онъ возвращается съ опухлой спиною кроваво-синяго цвѣта, и торопится выписаться изъ лазарета, чтобы совсѣмъ покончить съ наказаніемъ. «Выхожу остальное число ударовъ, говоритъ онъ товарищамъ, и тотчасъ-же отправятъ въ Черчицкскъ, а я-то съ дороги бѣгу, непременно бѣгу, только бы спина зажила!» Вотъ шестидесятилѣтній благодушный старичекъ изъ старообрядцевъ-вѣтковцевъ, сосланный за поджегъ построенной правительствомъ единовѣрческой церкви. А вотъ Сироткинъ, кроткій юноша, который до-того не взлюбилъ солдатской жизни, что рѣшился посредствомъ убійства выйти изъ нея въ безсрочную каторжную работу. А навзный Акимъ Акимовичъ, который будучи офицеромъ на Кавказѣ, зазвалъ къ себѣ мятежнаго князька, разстрѣлялъ его по собственному усмотрѣнію и обстоятельно донесъ о своемъ распоряженіи начальству. А трое братьевъ дагестанцевъ, сосланные за разбой на большой дорогѣ — и особенно Алей, возбуждающій состраданіе, какъ грустная тѣнь Франчески, посреди дантова ада.

Безъ-сомнѣнія все это преступники, болѣе или менѣе уклонившіеся отъ настоящаго общественнаго порядка, и никакіе современные законы не оставили-бы ихъ безъ наказанія. Но здѣсь невольно являются вамъ вопросы, хотя можетъ-быть и не новые, но однакожь и далеко перфшенные.

При первомъ взглядѣ на страшную картину острога, вамъ приходитъ мысль: какъ можетъ сжиться съ такимъ мѣстомъ человѣкъ, брошенный сюда изъ быта достаточной жизни, не за злодѣйство противоестественное, но по тѣмъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе которыхъ русскій народъ такъ гуманно даетъ ссыльнымъ знаменательное названіе несчастныхъ? Авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ живучестью человѣка, говоря, что это — существо ко всему привыкающее. И читая Записки г. Достоевскаго, дѣйствительно готовъ согласиться съ этимъ остроумнымъ опредѣленіемъ. Далѣе вы спрашиваете: неужели въ этомъ земномъ аду все должно быть подведено въ одну мѣрку, и законъ равно неумолимо долженъ карать безчеловѣчнаго Газина и наивнаго Акима Акимича, ужаснаго разбойника Орлова и несчастнаго Алея? Если правосудіе представляютъ намъ слѣпымъ, то неужели оно должно оставаться и глухимъ къ голосу человѣческаго сердца, къ вопіющимъ правамъ справедливости! Въ каторжномъ быту, по степени преступленій есть и градации въ наказаніяхъ, но всѣ онѣ основаны не на различіи работъ или пѣтщенія, а только на одномъ неравенствѣ ероба каторжной ссылки. Не ужаснѣе-ли это дантова ада? Тамъ Франческа Римини не брошена въ одну ледяную пронасть съ свирѣпымъ Руджіеро, тамъ поэтъ Гораций и гражданинъ Катонъ не скованы вмѣстѣ съ отцеубійцами; а здѣсь страшный злодѣй Газинъ спитъ на однихъ нарахъ съ наивнымъ лезгяномъ

Нуррою, виноватымъ въ однихъ дерзкихъ наѣздахъ, и кроткимъ, простодушнымъ Алеемъ, котораго все преступленіе въ томъ, что онъ по восточной патриархальности слѣпо повиновался старшимъ братьямъ! И сколько здѣсь наряду съ разбойниками по ремеслу людей преступныхъ по легкомыслію, даже по образу мыслей. нетерпимыхъ можетъ-быть въ одно время и вовсе не преступныхъ въ другую, болѣе свѣтлую эпоху. Къ-счастью, благодаря успѣхамъ нашего времени, теперь по словамъ автора все это значительно смягчилось, и нѣтъ сомнѣнія, что впоследствии измѣнится еще болѣе....

Давно не встрѣчали мы въ нашей литературѣ сочиненія, которое дѣйствовало-бы на читателя такъ увлекательно, какъ записки изъ Мертваго Дома. Неистощимый интересъ этого разсказа то поражаетъ васъ ужасомъ, то вызываетъ слезы участія и жалости, то заставляетъ задуматься надъ темной задачей человѣческаго сердца. Это совершенно новый міръ, до-сихъ-поръ знакомый вамъ только по наслышкѣ, который паводитъ васъ на множество мыслей и вопросовъ, психическихъ и соціальныхъ.

Но можетъ-быть скажутъ, что достоинство сочиненія г. Достоевскаго зависитъ именно отъ новости предмета, до-сихъ-поръ никѣмъ нетронутаго, и слѣдовательно успѣхъ книги обезпечивается даже при отсутствіи искусства и значительнаго таланта. Стоитъ однако прочесть нѣсколько страницъ изъ Мертваго Дома, чтобы понять несправедливость подобнаго предположенія. Предметъ конечно самъ-по-себѣ чрезвычайно новъ и интересенъ и съ первыхъ строкъ подкупаетъ вниманіе читателя; но мы того мнѣнія, что г. Достоевскій обнаружилъ здѣсь талантъ можетъ-быть гораздо больше, чѣмъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, не

исключая и Бѣдныхъ Людей. Въ картинахъ Мертваго Дома мы видимъ истиннаго художника.

Конечно, все содержаніе этого сочиненія взято изъ дѣйствительной жизни, безъ всякаго изобрѣтенія. Но кто же теперь не знаетъ, что творчество состоитъ не въ придумываньи замысловатыхъ сюжетовъ и эффектныхъ сценъ, а въ искусствѣ изъ началъ, представляемыхъ жизнью, создать ясную картину, во множествѣ видѣнныхъ нами лицъ угадать полныя типы и изъ дѣйствительности перенести ихъ въ область прекраснаго. Это сдѣлалъ Гоголь въ Мертвыхъ Душахъ, это сдѣлалъ Крестовскій въ своемъ романѣ «Въ ожиданіи Лучшаго.» Такое же художественное значеніе видимъ мы и въ новомъ сочиненіи г. Достоевскаго. Его Мертвый Домъ не дагерротипный снимокъ каторжнаго острога, а художественная картина, которая съ достоинствомъ фотографіи соединяетъ все обаяніе красокъ, даетъ не одинъ какой-нибудь моментъ выраженія человеческого лица, а всю въгрудь его фязіономіи, что умѣетъ всецѣло выразить одинъ истинный художникъ. Когда вы прочтете сочиненіе, у васъ остается картина полная и неизгладимая: какъ не забудете вы русской провинціи въ помѣщикахъ Мертвыхъ Душъ, или гостиницы княгини Десятовой, которая въ ожиданіи лучшаго, служить представительницей нашихъ салоновъ такъ точно никогда не забудете ужасной и печальной жизни, съ которою познакомили васъ г. Достоевскій въ своемъ Мертвомъ Домѣ.

Читатели знаютъ, что это за жизнь. Но посмотрите, какъ взглянулъ на нее авторъ. Онъ умѣлъ освѣтить ее такимъ высоко-гуманнымъ свѣтомъ, согрѣть такимъ теплымъ чувствомъ, какія можно встрѣтить только въ сочиненіи, глубоко и долго зрѣвшемъ въ душѣ, полной любви и сочувствія къ людямъ. Въ каждомъ преступникѣ онъ

нщеть челоѣка, и каждый его портретъ есть теплый, задушевный вопросъ, поставленный передъ обществомъ во имя правды или челоѣколюбія. И какое высокое умѣнье въ немногихъ чертахъ рисовать характеры такъ, что вы видите ихъ во всей полнотѣ. Г. Достоевскій едва набрасываетъ свои лица, но вы кажется читаете всю прошлую жизнь ихъ, даже угадываете ихъ будущую судьбу. Это немного удивило насъ. У автора Бѣдныхъ Людей мы находили прежде любовь къ деталямъ, къ анализу сердца и характера въ чертахъ мелкихъ и тонкихъ; здѣсь мы видимъ совершенно иной приемъ — умѣнье въ немногихъ, но крупныхъ чертахъ представлять полный и оконченный образъ. И по нашему мнѣнію это больше удается г. Достоевскому. Мы знаемъ его Макара Алексѣевича такъ, какъ-будто-бы передъ нами было разсѣчено его сердце и всякое бѣненіе его повторилось нѣсколько разъ, но процессъ этого анатомическаго анализа нѣсколько утомляетъ; здѣсь безъ всякаго напряженія вы узнаете челоѣка во всей полнотѣ его натуры. Немногими взмахами карандаша г. Достоевскій рисуетъ намъ Орлова, Газина, Акима Акимыча, Стародубскаго старичка, а мы знаемъ ихъ такъ, какъ-будто сами прожили съ ними цѣлые годы. Въ изъясненіе голословности мы рѣшаемся привести небольшой отрывокъ, по которому легко судить и объ интересѣ сочиненія, и о талантѣ, съ какимъ оно написано. Вотъ какъ авторъ знакомитъ насъ съ однимъ изъ каторжныхъ арестантовъ:

Еще съ первыхъ дней моего осторожнаго житія одинъ молодой арестантъ, чрезвычайно хорошенькій мальчикъ, возбудилъ во мнѣ особенное любопытство. Звали его Сироткинъ. Былъ онъ довольно загадочное существо, во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего меня поразило его прекрасное лицо; ему было не болѣе

дцати трехъ лѣтъ отъ роду. Находился онъ въ особомъ отдѣленіи, т. е. въ безсрочномъ, слѣдственно считался однимъ изъ самыхъ важныхъ военныхъ преступниковъ. Тихій и кроткій, онъ говорилъ мало, рѣдко смѣялся. Глаза у него были голубые, черты правильныя, личико чистенькое, нѣжное, волосы свѣтлорусые. Даже полуобритая голова мало его безобразила, — такой онъ былъ хорошенькій мальчикъ. Ремесла онъ не имѣлъ никакого, но деньги добывалъ хоть по немрогу, но часто. Былъ онъ примѣтно лѣнивъ, ходилъ нсряхой. Развѣ кто другой одѣнетъ его хорошо, иногда даже въ красную рубашку, и Сироткинъ видимо радъ обновкѣ: ходитъ по казармамъ, себя показываетъ. Онъ не пилъ, въ карты не игралъ, почти ни съ кѣмъ не ссорился. Ходитъ, бывало, за казармами, — руки въ карманахъ, смиренный, задумчивый. О чемъ онъ могъ думать, трудно было себѣ и представить. Окликнешь иногда его, изъ любопытства, спросишь о чемъ-нибудь, онъ тотчасъ-же отвѣтитъ и даже какъ-то почтительно, не по арестантски, но всегда коротко, неразговорчиво; глядитъ-же на васъ какъ десятилѣтній ребенокъ. Заведутся у него деньги, — онъ не купитъ себѣ чего-нибудь необходимаго, не одастъ починить куртку, не заведетъ новыхъ сапоговъ, а купитъ калачика, пряничка и скушастъ, — точно ему семь лѣтъ отъ роду. Эхъ ты Сироткинъ! говорятъ бывало ему арестанты —спрота ты казанская! Въ нерабочее время онъ, обыкновенно, скитается по чужимъ казармамъ; всѣ почти заняты своимъ дѣломъ; одному ему нечего дѣлать. Скажутъ ему что-нибудь, почти всегда въ насмѣшку (надъ нимъ и его товарищами такъ часто посмѣивались); — онъ, не сказавъ ни слова, поворотится и идетъ въ другую казарму; а иногда, если ужъ очень просмѣютъ его, покраснѣетъ. Часто я думалъ, за что это смиренное, простодушное существо явилось въ острогъ? Разъ я лежалъ въ больницѣ, въ арестантской палатѣ. Сироткинъ былъ также боленъ и лежалъ подлѣ меня; какъ-то подъ вечеръ, мы съ нимъ разговорились; онъ невзначай одушевился и, къ слову, рассказалъ мнѣ, какъ его отдавали въ солдаты, какъ, провожая его, плакала надъ нимъ его мать, и какъ тяжело ему было въ рекрутахъ. Онъ прибавилъ, что никакъ не могъ вытерпѣть рекрутской жизни; потому-что тамъ всѣ были такіе сердитые, строгіе, а командиры всегда почти были имъ недовольны..

— Какъ-же кончилось? спросилъ я, — за что-жъ ты сюда-то попалъ? да еще въ особое отдѣленіе... Ахъ ты, Сироткинъ, Сироткинъ!

— Да я-съ, Александръ Петровичъ, всего годъ пробылъ въ

бтальонѣ; а сюда пришолъ за то, что Григорья Петровича, моего ротнаго командира, убилъ.

— Слышалъ я это, Сироткинъ, да не вѣрю. Ну кого ты могъ убить?

— Такъ случилось, Александръ Петровичъ. Ужъ очень мнѣ тяжело стало.

— Да какъ-же другіе-то рекруты живутъ? Конечно тяжело сначала, а потомъ привыкають и, смотришь, выходятъ славный солдатъ. Тебя должно быть мать забаловала; приничками да молочкомъ до восемнадцати лѣтъ кормила.

— Матушка-то мени, правда, что очень любила-сь. Какъ я въ некруты пошолъ, она послѣ мени слезла, да, слышно, и не вставала.—Горько мнѣ ужъ очень, подъ конецъ, по некрутству стало. Командиръ не влюбилъ, за все наказываетъ. — а и за что-сь? Я всѣмъ покоряюсь, живу въ акурать; виниска не пью, ничѣмъ не занимаюсь; а ужъ это, Александръ Петровичъ, плохое дѣло, коя чѣмъ занимается человекъ. — Все кругомъ такіе жестокосердые. — всплакнутъ негдѣ. Бывало пойдешь куда за уголь, да тамъ и поплачешь. Вотъ и стою я разъ въ караулѣ; ужъ ночь; и ставили мени на часы, на абвахтѣ, у сонекъ. Вѣтеръ: осень была, а темень такая, что хотъ глазъ раздери. И такъ тошно, тошно мнѣ стало! Взялъ я къ ногѣ ружье, штыкъ отомкнулъ, положилъ подлѣ; скинулъ правый сапогъ, дуло наставилъ себѣ въ грудь, налегъ на него, и большимъ пальцемъ ноги спустил курокъ. Смотрю, — осѣчка! Я ружье осмотрѣлъ, прочистилъ затравку, пороху неваго подсыпалъ, кремешокъ пообилъ и опять къ груди приставилъ. Что-же-сь? порохъ вспыхнулъ, а выстрѣла опять нѣтъ! — Что-жъ это, думаю? Взялъ я надѣлъ сапогъ, штыкъ прикнулъ, молчу и релхаживаю. Тутъ-то я и положилъ это дѣло сдѣлать: хотъ куда хошь, только вонъ изъ некрутства! Черезъ полчаса ѣдетъ командиръ; главнымъ рундомъ привилъ. Прямо на мени: «Развѣ такъ стоять на караулѣ?» Я взялъ ружье на-руку, да и всадилъ въ него штыкъ по самое дуло. Четыре тыщи пришолъ, да и сюда, въ особое отдѣленіе...

Не правда-ли, что теперь вы вполне знаете этого человека, видите и его дѣтство у матери, и его солдатское житье-бытье, и всю жизнь въ острогѣ, гдѣ суждено ему умереть въ нескончаемой каторгѣ. Передъ нами типъ, вполне законченный. Можетъ-быть авторъ еще многое расскажетъ о немъ, но мы узиземъ только вѣшнія пѣ-

дробности, а самая физиономія этого лица такъ ясна, что не требуетъ болѣе ни одного штриха. Мы увѣрены, что если-бы Обломовъ или Инсаровъ попали въ каторжный острогъ, то г. Достоевскій въ немногихъ чертахъ показаль-бы намъ ихъ такъ-же хорошо, какъ мы знаемъ ихъ по цѣлымъ томамъ.

Съ перваго взгляда чтеніе Записокъ изъ Мертваго Дома можетъ поразить нѣкоторой безпорядочностью изложенія: авторъ нерѣдко начинаетъ какой-нибудь очеркъ *ex abrupto*, дѣлаетъ рѣзкіе переходы отъ одного предмета къ другому и снова возвращается къ первому, многое не оканчиваетъ, иное повторяетъ, чтобы прибавить нѣкоторыя черты къ набросанной прежде картинѣ или образу, очень часто говоритъ: объ этомъ скажу послѣ, это разскажу впослѣдствіи. Въ другомъ сочиненіи это могло-бы показаться недостаткомъ; въ Мертвомъ Домѣ такіе приемы не только не вредятъ сочиненію, но вполне гармонируются съ его содержаніемъ: поддерживая васъ постоянно въ какомъ-то раздраженномъ состояніи, эта манера только усиливаетъ впечатлѣніе, производимое хаотической картиною острога. Здѣсь обыкновенная стройность противорѣчила-бы всей обстановкѣ каторжной жизни.

Оканчивая свою небольшую статью, мы скажемъ въ заключеніе, что будемъ ждать съ нетерпѣніемъ окончанія Записокъ изъ Мертваго Дома. По нашему крайнему разумѣнію ихъ ожидаетъ огромный успѣхъ, — не въ большинствѣ журнальной критики, умѣющей только отрыгать жвачку того, что поднесено ей наканунѣ, а не сегодня, но между нашей публикой, въ которой еще Бѣлинскій подмѣтилъ инстинктъ угадывать свѣжее и здоровое въ литературѣ, не по указанію присяжныхъ аристарховъ, а по собственному живому чутью. Явленія, подобныя Мертвому

Дому г. Достоевскаго — не минутныя эфемериды, порожденныя какимъ-нибудь мгновеннымъ интересомъ или увлеченіемъ, а сочиненія, которыя живутъ и не умираютъ въ литературѣ, какъ памятники своего вѣка и общества. Записки изъ Мертваго Дома безъ-сомнѣнія переживутъ и самыя мертвые дома, которые должны перестроиться до основанія съ успѣхами просвѣщенія и обобщеніемъ идей о человѣческомъ достоинствѣ.

А. ШНЕЙДОВЪ.